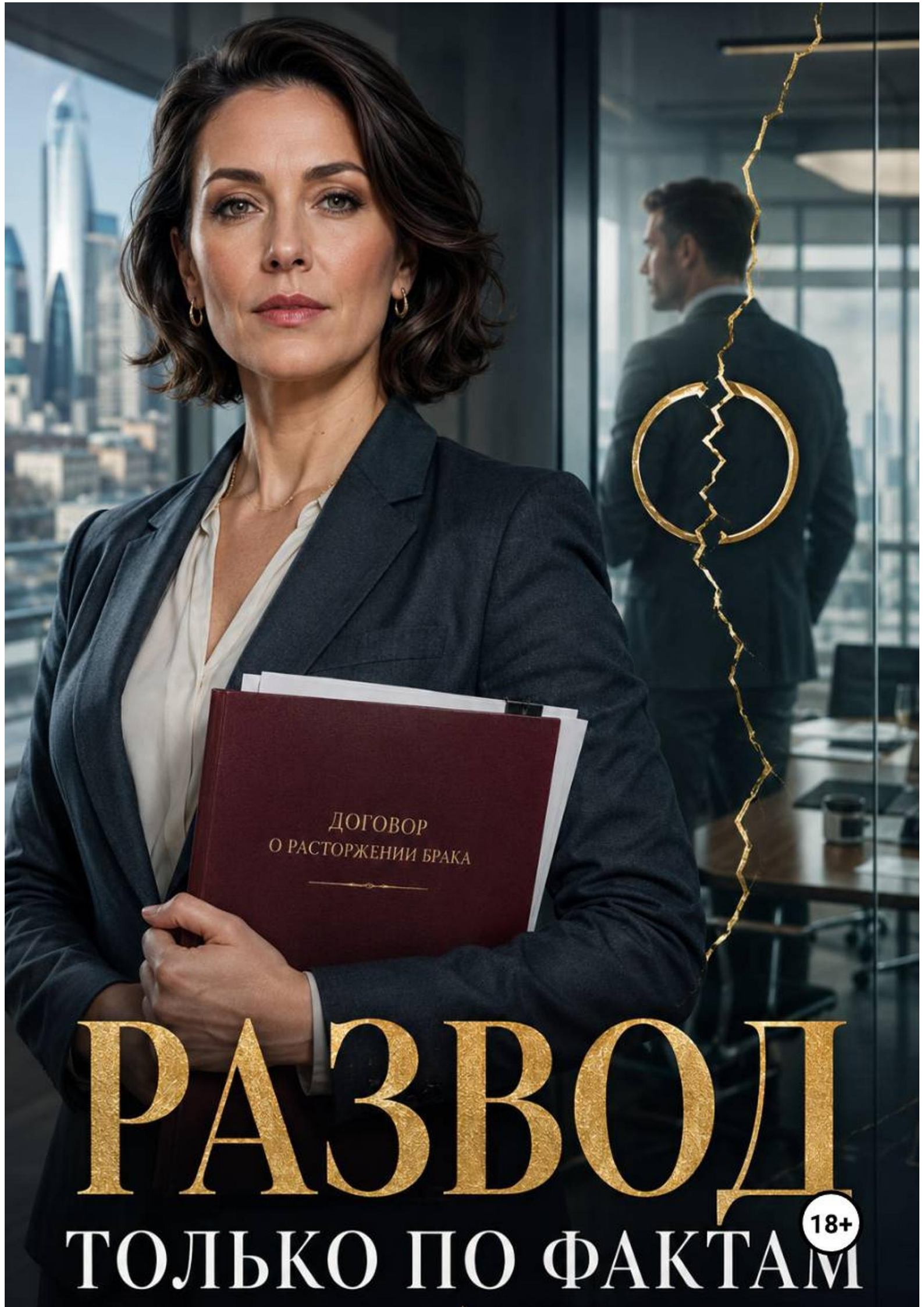

ДОГОВОР
О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

РАЗВОД

ТОЛЬКО ПО ФАКТАМ

18+

Анастасия Вежина

Развод. Только по фактам

«Автор»

2026

Вежина А.

Развод. Только по фактам / А. Вежина — «Автор», 2026

В тот вечер муж сказал, что мы семья. Из нашей спальни, где рядом с ним были две женщины. Я ушла прежде, чем Платон успел объяснить мне моё собственное унижение. Забрала документы, сохранила доказательства и решила, что наш развод будет быстрым. Я ошиблась. Муж не собирается отдавать мне половину бизнеса, который мы строили вместе. Он блокирует мои доступы, уводит клиентов и превращает нашу шестнадцатилетнюю дочь в рычаг давления. Елисей Тарасов занимается корпоративными расследованиями и верит только фактам. Рядом с ним я впервые слышу вопрос вместо приказа. Но даже забота становится контролем, когда мужчина решает за меня, как меня защищать. Мне предстоит разделить не только имущество. Мне придётся отделить любовь от власти, помощь — от спасательства, а новую жизнь — от страха снова довериться.

© Вежина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Трое в нашей спальне	5
Глава 2. Номер без адреса	11
Глава 3. Человек по чужим рискам	16
Глава 4. Доступ запрещён	22
Глава 5. Версия для рынка	27
Глава 6. Кира остаётся	32
Глава 7. Первое условие	38
Глава 8. Пятьдесят на пятьдесят	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анастасия Вежина

Развод. Только по фактам

Глава 1. Трое в нашей спальне

Ключ входит в замок без привычного сопротивления.

Платон второй месяц обещает вызвать мастера, но дверь всякий раз напоминает, что у моего мужа слишком много важных дел для мелкого домашнего ремонта. Сегодня она открывается тихо, почти предупредительно.

В прихожей темно.

Я закрываю дверь и не включаю свет. За стеной работает телевизор — без слов, только ровный гул. Из спальни доносится смех. Женский.

Потом ещё один.

Останавливаюсь, не сняв пальто.

Платон знает, что встреча с застройщиком должна закончиться после полуночи. Я сама написала ему в восемь: «Не жди». Он ответил сердечком и привычным: «Ты у меня лучшая».

Сейчас половина одиннадцатого.

На коврике стоят две пары женских сапог. Одни высокие, лаковые. Вторые короткие, с мокрым снегом на каблуках. Между ними брошены мужские туфли Платона, хотя он никогда не оставляет обувь посреди прохода.

В доме пахнет чужими духами. Сладко, липко, так сильно, будто кто-то пытался перебить ими наш порошок, мой крем для рук, кофе из утренней чашки — всё, из чего ещё час назад состояло слово «дом».

Я ставлю сумку на тумбу.

Пряжка ударяется о дерево. Негромко, но в спальне на секунду становится тихо.

— Ты слышал? — спрашивает женщина.

— Дом старый, — отвечает Платон. — Здесь всё скрипит.

Девять лет назад он говорил это о съёмной квартире, где мы начинали. Там скрипел паркет, текла раковина, а на кухне помещались только два стула. Платон обнимал меня сзади и обещал, что однажды у нас будет большой дом, своя компания и ни одной причины считать деньги до зарплаты.

Большого дома мы не купили. Купили квартиру в центре, открыли шесть агентств и научились считать суммы, в которых по два нуля прибавлялось за год.

Причина считать осталась.

Просто теперь мы называем её бизнесом.

В спальне снова смеются.

Снимаю перчатки и убираю их в карман пальто. Правая рука уже тянется к телефону. Не потому, что мне нужен снимок измены для суда. Я не знаю, что именно нужно для суда. Я знаю другое: через пять минут Платон начнёт объяснять, что я неверно увидела, не так поняла, пришла не вовремя, сама отдалилась, слишком много работала.

К утру у него появится версия.

К понедельнику — свидетели его версии.

Телефон разблокируется по лицу. Отключаю звук, открываю камеру, проверяю вспышку. Движения получаются медленнее обычного, будто руки принадлежат сотруднице, которой я диктую порядок действий.

Первое: увидеть.

Второе: сохранить.

Третье: уйти до того, как меня заставят защищаться.

Иду по коридору.

На консоли лежит женская сумочка с золотой цепочкой. Рядом — вторая, маленькая, белая. Под ними аккуратно сложен мой шёлковый платок. Я покупала его в Милане после первой сделки на восемьдесят миллионов. Платон тогда поднял бокал и сказал, что без меня «Ключ города» остался бы красивой вывеской на пустой двери.

Платок служит подкладкой для чужих сумок.

Экран телефона холодит ладонь. Камера уже пишет.

Дверь спальни приоткрыта. Из щели падает полоса тёплого света.

Я толкаю дверь двумя пальцами.

Комната открывается сразу вся: смятая постель, бокалы на полу, рубашка Платона на кресле. Одна женщина сидит у изголовья, прикрываясь простынёй. Вторая стоит возле окна и торопливо запахивает мой халат.

Мой халат.

Платон лежит между ними, приподнявшись на локте. Смотрит на меня несколько секунд — голый, растерянный, настоящий. Без голоса для клиентов, без улыбки для сотрудников, без мягкого «Ренат» перед просьбой, от которой проигрываю только я.

Эти секунды я и снимаю.

Потом лицо у него меняется. Возвращается знакомое спокойствие. Он всегда быстро подбирает выражение, которое подходит ситуации.

— Ты почему дома?

Будто ошибку совершаю я.

Навожу камеру так, чтобы в кадре были его лицо и обе женщины. Никаких подробностей. Они мне не нужны. Достаточно комнаты, времени на экране и того, что Платон даже не пытается отрицать очевидное.

Женщина в моём халате отворачивается.

Вторая смотрит прямо на меня. Молодая. Может быть, тридцать. Может, меньше. На тумбочке рядом с ней лежит телефон в розовом чехле и серьга, которую я сначала принимаю за сломанную застёжку.

Мне хочется спросить, давно ли они здесь. Кто из них первая. Кто выбирал вино. Знают ли они, что в соседней комнате до сих пор стоит фотография Киры с выпускного из девятого класса.

Вместо этого нажимаю кнопку остановки.

Двадцать три секунды.

Платон отбрасывает край простыни и садится.

— Убери телефон.

— Не подходи.

Голос звучит нормально. Это удивляет больше всего.

Он замирает, но лишь на мгновение.

— Господи, Рената. Давай без дешёвых сцен.

Одна из женщин тихо произносит:

— Платон...

— Молчи, — бросает он ей и снова смотрит на меня. — Я разберусь.

Разберётся.

Как с поставщиками, которые не принимают его условия. Как с брокерами, пытающимися уйти к конкурентам. Как со мной на совещаниях, когда моё возражение мешает ему объявить решение общим.

Я проверяю запись. Изображение чёткое. Звук есть. В верхнем углу стоит дата.

— Ты снимаешь меня в моей спальне? — спрашивает он.

— В нашей.

Фраза вырывается раньше, чем успеваю её остановить.

Платон улыбается. Не широко. Почти сочувственно.

— Вот именно. В нашей. Поэтому прекрати вести себя как посторонняя.

Надо выйти. Сейчас.

Но я продолжаю стоять. Внимание цепляется за мелочи, как в переговорной, где собеседник уже врёт, а ты ещё не понимаешь, на какой цифре.

На полу — бутылка вина из моего шкафа.

На подушке — тонкая золотая цепочка.

На руке Платона — часы, которые я подарила ему на десятую годовщину свадьбы. Он не снял их. Видимо, всё остальное мешало больше.

— Ренат, — говорит он уже мягче. — Ты вернулась раньше. Получилось некрасиво, согласен. Но не надо сейчас рушить семью из-за того, что можно обсудить взрослыми словами.

Женщина в халате перестаёт его запахивать. Просто держит края у горла и ждёт, чем закончится разговор.

Я тоже когда-то так ждала. Платон говорил — я искала в его словах место, где ещё можно договориться.

Сейчас места нет.

— Снимки удали, — продолжает он. — И выйди. Мы поговорим утром.

Он всё ещё распоряжается моим утром.

Убираю телефон в карман.

Платон принимает это за согласие. Плечи у него опускаются.

— Вот и хорошо. И не надо делать вид, будто ты ничего не знала. Последние месяцы мы оба жили своей жизнью.

Я смотрю на него.

— Не подходи к моим вещам.

— Каким ещё вещам?

— К любим.

Разворачиваюсь и выхожу из спальни.

За спиной слышится раздражённый выдох.

— Рената, не устраивай спектакль.

В кабинете включаю свет.

Белая лампа бьёт по глазам. На столе лежат документы по завтрашнему показу, два договора, ежедневник и ручка Платона. Он снова забрал мою, хотя у него в ящике штук двадцать.

Я открываю нижнюю секцию шкафа.

Папка с личными документами стоит на месте. Паспорт. Свидетельство о браке. Копия свидетельства о рождении Киры. Договор на квартиру. Страховка. Несколько банковских бумаг, которые давно следовало отнести в сейф.

Беру только своё и то, что может понадобиться в ближайшие дни. На каждую вещь уходит одно решение.

Паспорт — да.

Документы на машину — да.

Личные банковские бумаги — да.

Общие договоры — оставляю. Сейчас я не знаю, что имею право забирать, а чего касаться нельзя.

Ноутбук.

Зарядка.

Рабочий токен лежит в отдельном ящике. Замираю, глядя на него. Это мой доступ, оформленный на моё имя. Забираю и его.

Платон появляется в дверях кабинета уже в брюках. Рубашку он не застегнул, будто торопился сохранить достоинство и не рассчитал время.

— Что ты делаешь?

— Беру личные документы.

— Куда ты собралась?

Не отвечаю. Перекладываю папку в сумку, сверху кладу ноутбук.

— Рената, прекрати.

Он делает шаг в комнату.

Поднимаю телефон. Не снимаю, просто держу перед собой.

Платон останавливается.

— Серьёзно? Теперь будешь записывать каждый разговор?

— Если понадобится.

— Ты сошла с ума.

— Возможно. Обсудишь это со своим адвокатом.

Я не собиралась произносить слово «адвокат». Оно появляется само и сразу меняет воздух в комнате.

Платон застёгивает одну пуговицу. Потом вторую. В его движениях больше нет суеты.

— Вот как.

— Вот так.

— Я ещё ничего тебе не сделал.

Смотрю в сторону спальни.

Он морщится, словно я намеренно опускаю разговор до пошлости.

— Не надо этой морали. Мы давно не дети. У людей бывают потребности.

— У людей бывают двери в гостиницах.

— Ты опять всё превращаешь в ультиматум.

Я закрываю сумку.

— Это не ультиматум.

— А что?

— Решение.

Платон усмехается, но глаза остаются настороженными.

— Куда ты пойдёшь посреди ночи?

Пятница, половина одиннадцатого, Москва. Он произносит это так, будто за дверью начинается лес.

— Найду место.

— И что скажешь Кире?

Впервые за весь вечер дыхание сбивается.

Он замечает. Конечно замечает. Платон умеет находить слабое место быстрее любого продавца.

— Что мама увидела папу с двумя женщинами? — продолжает он. — Отличный способ сломать ребёнка жизнь перед поступлением.

Кире шестнадцать. Она выше меня на три сантиметра, красит стрелки лучше профессионального визажиста и терпеть не может, когда её называют ребёнком. Но Платону удобно вспоминать о её хрупкости именно сейчас.

— Киру сюда не втягивай.

— Это ты уходишь из дома.

— Я ухожу от тебя.

— Разница существует только у тебя в голове.

Вот она, первая версия.

Я уже всё разрушила. Я устроила сцену. Я ушла. Он пока лишь оказался в собственной спальне не с тем количеством женщин.

— Завтра обсудим, — говорит Платон. — Сейчас переночуй в гостевой и успокойся. Утром ты будешь смотреть на всё иначе.

— Нет.

Всего одно слово. Оно не производит впечатления. Не разбивает бокалы, не хлопает дверьми. Платон просто хмурится, потому что не понимает, к какой части его предложения относится отказ.

Ко всему.

Натягиваю перчатки. Беру пальто с вешалки.

На консоли по-прежнему лежат две чужие сумочки. Теперь мой платок виден только по краям. Я вытягиваю его из-под них.

Белая сумка падает набок. Из неё выскальзывает помада и катится по полу.

Женщина в моём халате выходит в коридор.

Халат ей велик. Пояс затянут дважды.

— Извините, — говорит она.

Платон раздражённо оборачивается:

— Иди в комнату.

Она послушно уходит.

Я складываю платок и убираю в карман. Не потому, что он дорогой. Просто это моя вещь.

— Ты довольна? — спрашивает Платон. — Всех унизила?

Смотрю на него несколько секунд.

Ему действительно удаётся произнести это так, будто унижение начинается с моего возвращения.

Открываю дверь.

— Рената.

Выхожу на лестничную площадку и вызываю лифт.

Он идёт следом, босиком, с расстёгнутым воротом. Лицо уже собрано для следующего раунда: немного усталости, немного обиды, ровно столько тревоги, чтобы выглядеть любящим мужем.

— Мы же семья.

Нажимаю кнопку лифта ещё раз, хотя она уже горит.

— Ты сейчас на эмоциях. Я понимаю. Но не делай того, о чём пожалеешь.

Двери открываются.

Захожу в кабину и поворачиваюсь к нему. Платон остаётся на площадке. Наверное, понимает, что в таком виде вниз не поедет.

— Вернись, — говорит он.

Я нажимаю первый этаж.

Между нами сходятся металлические створки.

В лифте пахнет пылью и чьим-то табаком. В зеркале женщина с моей сумкой выглядит спокойнее, чем должна. Волосы убраны, помада почти не стёрлась, ворот пальто лежит ровно.

Только ключи от квартиры всё ещё зажаты в руке.

Разжимаю пальцы и убираю связку во внутренний карман. Не выбрасываю, не ломаю, не оставляю на полу. Завтра у любого действия появится юридическое значение. Сегодня достаточно того, что я вышла.

На первом этаже телефон начинает вибрировать.

Платон.

Сбрасываю вызов и открываю запись.

Двадцать три секунды. Его лицо различимо. Голоса слышны. Дата стоит верно.

Файл уже загружен в облако. Рядом зелёная отметка.

Проверяю ещё раз.

Загружен.

На улице идёт мелкий снег. Машины ползут по мокрому асфальту, витрины напротив горят слишком ярко для конца рабочего дня.

Открываю приложение такси.

В строке назначения сначала набираю адрес Лады. Стираю. Она задаст вопросы, а я пока не готова произносить ответы вслух. К тому же Платон знает, где она живёт.

Выбираю гостиницу возле Садового кольца — без вида, без завтрака, с круглосуточной стойкой. Номер можно оплатить сейчас.

Телефон снова вибрирует.

«Не сходи с ума».

Следом:

«Вернись, пока Кира ничего не узнала».

И ещё одно:

«Мы семья. Это не перечёркивают за один вечер».

Смотрю на последнее сообщение, пока приложение ищет машину.

Один вечер ничего не перечёркивает.

Он только показывает, что уже было перечёркнуто до тебя.

На экране появляется номер автомобиля и время подачи — четыре минуты.

Нажимаю «Заказать».

Глава 2. Номер без адреса

Водитель дважды уточняет, тот ли подъезд гостиницы мне нужен. Я отвечаю не сразу: смотрю на стеклянные двери, за которыми дежурный администратор листает что-то на мониторе, и пытаюсь понять, не ошиблась ли адресом. Ошибиться сейчас было бы почти смешно.

— Здесь, — говорю я и расплачиваюсь через приложение.

Машина уезжает. Мелкий снег уже не падает, а висит в воздухе, цепляется за волосы, за воротник, за ресницы. Сумка оттягивает плечо. В ней документы, ноутбук и шёлковый платок, который я зачем-то забрала из-под чужих сумок. Всё остальное осталось дома: одежда, косметика, зарядка для часов, фотографии, половина жизни, которую невозможно уложить в одну дорожную сумку.

В холле пахнет кофе из автомата и средством для пола. Никакой музыки, никаких золочёных перил — деловая гостиница, куда приезжают на одну ночь и не ждут, что их запомнят. Именно это мне и нужно. Администратор поднимает голову.

— Добрый вечер. Бронирование есть?

— Только что оформила. Кузьмина Рената Валерьевна.

Он находит бронь, просит паспорт. Пока заполняет карточку, телефон в кармане снова начинает вибрировать. Я не достаю его. Платон умеет превращать молчание в испытание: будет звонить до тех пор, пока я не возьму трубку, а потом скажет, что беспокоился.

— На одну ночь? — спрашивает администратор.

Вопрос звучит нейтрально. Я всё равно слышу в нём собственную растерянность.

— Пока на две. С возможностью продления.

— Завтрак включён.

— Неважно.

Он кладёт передо мной регистрационную карточку. Я ставлю подпись и замечаю, что рука движется так же уверенно, как днём под актом приёма офиса. Почерк не изменился. Значит, не всё во мне разрушилось.

— Ещё просьба, — говорю я. — Никому не сообщайте номер комнаты. Даже если человек назовётся мужем.

Администратор смотрит внимательнее.

— Мы не раскрываем данные постояльцев.

— Отметьте отдельно. Пожалуйста.

Он что-то вводит в систему, затем поворачивает монитор чуть в сторону, чтобы я увидела короткую пометку: «Не соединять. Информацию не предоставлять».

— Готово.

— Спасибо.

Я плачу своей картой. Не общей, не корпоративной — той, которую завела два года назад для личных расходов и почти не использовала. Терминал принимает оплату сразу. На экране телефона появляется уведомление банка, и вместе с ним — ещё четыре сообщения от Платона. Не открываю. Номер на седьмом этаже. Дверь закрывается мягко, без щелчка. Я проверяю её дважды, потом ставлю сумку на письменный стол и только после этого снимаю пальто.

Комната небольшая: кровать, серое кресло, стол, чайник, две кружки в пластиковых пакетах. За окном — тёмный двор и крыша соседнего здания. Я специально выбрала номер без вида, будто красивый город мог потребовать от меня правильных чувств.

В ванной белый свет подчёркивает всё, что я не заметила в лифте. Тушь отпечаталась под глазами. На щеке тонкая красная линия — вероятно, провела ногтем, когда поправляла волосы. Губы слишком яркие для женщины, которая двадцать минут назад застала мужа с двумя чужими женщинами. Я беру ватный диск из гостиничного набора и стираю помаду.

Потом ещё раз. Лицо становится знакомее. В душе вода долго не нагревается. Я стою под прохладной струей и смотрю, как по плитке стекают серые следы московского снега. Плакать не получается. Внутри тесно, но слёз нет — только усталость, от которой трудно согнуть колени. Я выключаю воду прежде, чем она наконец становится горячей.

В гостиничном халате сажусь за стол и открываю ноутбук. Первым делом меняю пароль от личной почты. Потом от облака. От банка. От аккаунта оператора связи. Не потому, что Платон когда-либо спрашивал мои пароли. Мы оба слишком занятые и слишком современные люди, чтобы проверять телефоны друг друга.

Так я думала вчера. Сейчас память услужливо подбрасывает мелочи: как он настраивал мне новый ноутбук; как однажды попросил войти в банк с его компьютера; как смеялся над моей привычкой использовать разные пароли и говорил, что в браке должны быть вещи попроще. Я не знаю, что из этого важно. Поэтому не строю обвинений. Просто закрываю доступ там, где могу.

Видео из спальни уже в облаке. Я переносу его в отдельную папку, но не называю её «дело» или «доказательства». Называю датой. Рядом сохраняю фотографии и короткую записку: время возвращения, кто находился в квартире, какие слова сказал Платон. Пишу сухо, без прилагательных. Это помогает.

Следом открываю приложение банка. На общем счёте лежат деньги на ежемесячные расходы, на моём личном — сумма, которую я откладывала без конкретной цели. Раньше называла её резервом на отпуск. Теперь резерв получает другое назначение.

Переводить половину общих денег себе я не собираюсь. Даже не потому, что не имею права, — я пока не знаю, что именно имею право делать. Любое резкое движение Платон завтра назовёт попыткой вывода средств. Поэтому сохраняю выписки, фиксирую остатки и звоню в банк.

— Мне нужно установить дополнительное кодовое слово и запретить дистанционное восстановление доступа без паспорта, — говорю оператору.

Она задаёт вопросы, переключает на службу безопасности, объясняет порядок. Разговор занимает двадцать минут. Я дважды хочу закончить и решить всё через приложение, но остаюсь на линии до подтверждения. В конце оператор спрашивает, требуется ли блокировка карты.

— Нет. Карта у меня. Только никаких изменений по звонку третьего лица.

— Даже если человек представится супругом?

— Особенно тогда.

После звонка я записываю номер обращения. Это не похоже на героический уход. Скорее на техническое обслуживание жизни, которой внезапно понадобились новые замки. В сумке нахожу документы. Раскладываю их на столе и составляю список того, чего нет: устав общества, копия корпоративного договора, последняя выписка по долям, доступ к общему архиву, оригинал договора на квартиру. Часть хранится в офисе, часть — дома, часть должна быть у бухгалтерии.

Я не знаю, понадобится ли всё это. Но впервые за ночь у меня появляется задача, которую можно закончить. Телефон вибрирует снова. На этот раз звонит Кира. Я смотрю на её имя дольше, чем нужно, и отвечаю.

— Мам, ты где?

Голос сонный и раздражённый. На фоне играет музыка, кто-то смеётся. Значит, она всё ещё у Сони, как и говорила утром.

— На встрече задержалась. Потом решила переночевать в гостинице, чтобы не ехать через весь город.

Ложь получается слишком быстро.

— А папа пишет, что ты психанула и ушла.

Я закрываю глаза. Он уже успел выбрать первое слово.

— Мы поссорились.

— Из-за чего?

— Не по телефону, Кир.

— Вы опять из-за работы?

Опять. Значит, Платон давно объясняет ей наши вечера и молчание одной удобной причиной.

— Это взрослый разговор. Ты сегодня у Сони до утра?

— Да. Её мама знает.

— Хорошо. Позвони мне завтра, когда проснёшься.

— Ты домой вернёшься?

Я смотрю на белую стену перед столом. Ответить честно — значит разрушить её ночь. Пообещать — значит начать новую жизнь с обещания, которое не выполню.

— Завтра поговорим, — говорю я. — Спокойно. Я тебя люблю.

Кира молчит секунду.

— Я тоже. Только не делайте глупостей, ладно?

Связь обрывается. Я кладу телефон экраном вниз. Вот теперь слёзы приходят. Не из-за спальни и не из-за женщин. Из-за того, что дочь уже назначила нас двумя взрослыми, которые могут сделать глупость, и мне придётся доказывать, что я не собираюсь использовать её как судью. Плачу недолго. Не потому, что сильная, а потому что в дверь стучат.

Я вскакиваю так резко, что стул откатывается к стене.

— Обслуживание номеров, — говорит женский голос.

Я ничего не заказывала. Подхожу к двери, не открываю.

— Что именно?

— Дополнительная вода. На стойке сказали, что вы просили.

Я вспоминаю, как администратор спросил про воду, а я кивнула, не слушая.

— Оставьте у двери, пожалуйста.

Шаги удаляются. Я жду ещё минуту и только потом открываю. На ковре стоит пакет с двумя бутылками. Никого. Смешно. Платон сидит в нашей квартире, а я боюсь горничной с водой. Но страх не становится меньше от того, что кажется глупым. Я звоню Ладе. Она отвечает после второго гудка.

— Наконец-то. Я уже собиралась ехать к тебе.

— Не надо.

— Где ты?

— В гостинице. Адрес пока не скажу.

— Рената...

— Мне нужен адвокат по семейным и корпоративным спорам. Не тот, который ведёт наши обычные договоры. И в понедельник мне нужен доступ к копиям устава, списку участников, последним протоколам и сведениям о доверенностях.

Лада молчит.

— Что случилось?

Я смотрю на дату, которой назвала папку.

— Платон был дома не один.

— С кем?

— С двумя женщинами.

Лада выдыхает. Не ахает, не задаёт вопросов, которые не помогут. За это я люблю её уже пятнадцать лет.

— Ты сейчас одна?

— Да.

— Он тебя трогал?

— Нет.

— Документы у тебя?

— Личные. Корпоративных почти нет.

— Хорошо. То есть плохо, конечно, но понятно. Есть Мелания Сахарова. Она вела раздел дел у моих знакомых. Жёсткая, без спектаклей. Я попробую договориться на понедельник.

— Попробуй на утро.

— Сделаю.

Я слышу, как Лада ходит по комнате. Наверное, уже открывает ноутбук.

— И ещё, — продолжает она. — Если Платон полезет в компанию, одной Сахаровой может не хватить. У меня есть контакт человека из «Вертикаль Консалт». Они разбирают корпоративные конфликты: доступы, аффилированных подрядчиков, утечки, вот это всё.

— Мне не нужен частный детектив.

— Он не частный детектив. И не спасатель. Специалист по рискам. Елисей Тарасов.

Имя ничего мне не говорит.

— Сначала адвокат.

— Конечно.

— И, Лад, никому в офисе пока не рассказывай причину.

— Платон может рассказать свою.

— Тогда тем более. Только факты: я временно работаю отдельно, все документы сохраняем, устных распоряжений по моим полномочиям не исполняем без подтверждения.

— Ты уже командуешь.

— Я не перестала быть директором за одну ночь.

— Вот это я и хотела услышать.

Она предлагает приехать с одеждой. Я отказываюсь. Потом соглашаюсь на небольшой пакет, который она оставит на стойке без номера. Мы договариваемся, что утром она проверит доступ к архиву и напишет мне с отдельной почты. После разговора я включаю чайник. Вода закипает слишком громко. Чай в номере чёрный, дешёвый, с запахом бумажной упаковки. Я всё равно пью его, стоя у окна.

За стеклом город выглядит равнодушным и потому надёжным. В соседних домах горят окна, машины поворачивают во двор, кто-то выгуливает собаку. Ничья жизнь не остановилась из-за того, что моя сменила направление. Утром я просыпаюсь в одежде поверх покрывала. Телефон лежит рядом, разряженный почти наполовину. От Платона — длинная цепочка сообщений. Я не читаю их целиком. Только первые строки:

«Ты всё неправильно поняла».

«Я готов объяснить».

«Не втягивай в это компанию».

«Кира спрашивает, что происходит».

Последнее заставляет меня сесть. Я пишу дочери: «Проснулась. Позвоню после обеда. Люблю». Потом Ладе: «Жду время Сахаровой». Суббота уходит на звонки, выписки и попытки поспать. Воскресенье проходит в странной тишине. Я покупаю в соседнем магазине бельё, футболку и зубную щётку. На кассе женщина передо мной долго выбирает пакет и спорит из-за скидки. Я завидую ей почти физически: её сегодняшняя проблема имеет цену в двадцать рублей и закончится у выхода.

К вечеру Лада присылает адрес офиса Сахаровой и время — девять тридцать утра. Ниже отдельной строкой: «Тарасов сможет подключиться в десять тридцать, если согласишься». Я отвечаю: «Пусть приходит. Только после адвоката». Через час Лада пишет, что оставила пакет на стойке. Я спускаюсь сама. В холле она стоит возле кулера, в пальто, с бумажным стаканом и той самой сумкой, в которой обычно носит спортивную форму.

— Здесь бельё, две блузки, брюки, зарядки и твой нормальный крем, — перечисляет она.
— Я не выбирала вещи из дома. Купила новое.

— Зачем?

— Потому что не хочу звонить Платону и просить разрешения открыть твой шкаф.

Она передаёт сумку и, вопреки нашим договорённостям, обнимает меня. Не долго, без слов. Я сначала стою неподвижно, потом всё-таки обнимаю в ответ. В холле проходят люди, катят чемоданы, администратор смотрит в монитор. Никому нет дела до двух взрослых женщин, которые держатся друг за друга возле автомата с кофе.

— Поедем ко мне, — говорит Лада. — У меня диван, отдельный ключ, и Платон не сунется.

— Он знает твой адрес. И ты работаешь в компании. Если начнёт давить, будет проще, если ты не скрываешь меня у себя.

— Ты уже говоришь как Сахарова.

— Я ещё её не видела.

— Тогда это врождённое.

Мы садимся в кресла у окна. Я рассказываю ей только факты первой ночи. Не показываю запись. Когда дохожу до слов Платона о Кире, Лада сжимает стакан так сильно, что крышка поднимается.

— Он всегда умел выбирать фразу, после которой ты начинаешь доказывать, что не такая, — говорит она.

— Сейчас я ничего ему не доказываю.

— Пока.

Я хочу возразить, но она права. В голове уже составлены ответы на его сообщения, и каждый заканчивается тем, что Платон наконец понимает масштаб сделанного. Это фантазия о человеке, который внезапно станет воспринимать мои слова как факты, а не материал для следующей версии.

— Поэтому и нужен адвокат, — говорю я.

— И сон.

— Сначала адвокат.

Лада уезжает, добившись обещания поехать. Я поднимаюсь с пакетом и покупаю в ресторане суп, хотя не хочу. Съедаю половину, потому что завтра на встрече будет легче думать, если организм не занят мстостью за голодовку. Затем открываю рабочую почту через браузер. Письма загружаются не сразу. Вверху появляется предупреждение службы безопасности: «Обнаружен вход с нового устройства».

Я нажимаю на уведомление. Вход выполнен сорок минут назад. Город — Москва. Устройство мне не принадлежит.

Глава 3. Человек по чужим рискам

В приёмной Мелании Сахаровой нет ни одного журнала. Только два серых кресла, кулер и часы, которые отстают на три минуты. Я замечаю это сразу и раздражаюсь, будто неточность принадлежит лично адвокату.

Лада сидит напротив, держит на коленях тонкую папку и делает вид, что не наблюдает за мной. Вчера она привезла одежду, зарядку и косметичку, но в номер не поднялась. Сегодня приехала раньше и уже успела распечатать список документов, которые нашла в корпоративном архиве.

— Ты завтракала? — спрашивает она.

— Кофе.

— Это не завтрак.

— Сейчас не тот день, когда меня можно воспитывать.

— Значит, день обычный.

Я почти улыбаюсь. Почти — потому что дверь кабинета открывается. Мелания Григорьевна Сахарова выглядит не жёсткой, а занятой. Невысокая женщина лет пятидесяти, короткие светлые волосы, тёмно-синий костюм без украшений. Она называет нас по имени, пожимает руки и сразу ведёт к столу.

— У нас полтора часа, — говорит она. — Потом придёт специалист по корпоративным рискам, если вы подтвердили встречу.

— Подтвердила.

— Хорошо. Сначала отделим то, что больно, от того, что имеет юридическое значение.

Я кладу телефон на стол.

— У меня есть запись.

— Я понимаю. Расскажите, как она сделана и что на ней.

Объясняю коротко: вернулась раньше, увидела Платона с двумя женщинами, сняла несколько секунд, ушла. Сахарова не просит показать файл. Делает пометки от руки.

— Вы публиковали запись?

— Нет.

— Кому отправляли?

— Себе в облако. Ладе не показывала.

— Мужу угрожали публикацией?

— Нет.

Она ставит точку в конце строки.

— Так и оставьте. Для раздела имущества сам факт измены почти ничего не решает. Для оценки обстоятельств разрыва, возможного давления или переговорной позиции — может иметь значение. Но превращать это в публичное оружие нельзя. В первую очередь из-за вас и дочери.

Мне хочется сказать, что я и не собиралась. Вместо этого спрашиваю:

— Что решает?

— Структура собственности. Деньги. Документы. Кто чем управлял, на каком основании и что происходит с активами сейчас. Начнём с компании.

Лада раскрывает папку. ООО «Ключ города» мы создавали двенадцать лет назад. У меня пятьдесят процентов. У Платона — пятьдесят. Генеральный директор — он. Я отвечаю за операционную работу сети и подписываю часть договоров по доверенности. Эту схему мы считали равноправием. Сахарова считает её тупиком.

— При равных долях любое серьёзное решение может зависнуть, — говорит она. — Пока вы были супругами и договаривались устно, это работало. Теперь каждое устное правило исчезло.

— Он не может просто лишить меня доли.

— Не может. Но может ограничить ваши полномочия как работника или представителя, если доверенность позволяет. Может изменить доступы, прекратить действие доверенности, попытаться заблокировать операционные решения. Ваше право как участника на информацию остаётся. Это уже другая роль.

Слова «другая роль» неприятно точные. В компании я всегда была всем сразу: соучредителем, директором по развитию, человеком, который знал, у кого заболел ребёнок и какой арендодатель снова задерживает документы. Платон подписывал крупные сделки, а я делала так, чтобы они существовали не только в презентациях. Теперь мне предлагают разделить себя на должности и права.

— Что с браком? — спрашивает Лада.

Сахарова поворачивает ко мне лист.

— При наличии несовершеннолетней дочери — через суд. Но развод, раздел имущества и корпоративный конфликт не обязательно вести одним пакетом. Более того, я бы не смешивала их без необходимости. Кира — отдельная линия. Компания — отдельная. Брак — третья.

— Платон уже написал ей, что я ушла.

— Сколько лет дочери?

— Шестнадцать.

— Значит, её мнение и фактический уклад жизни будут иметь вес. Не называйте это борьбой за опеку. С ней нужно договариваться как с человеком, а не как с предметом спора.

— Я это понимаю.

— Хорошо. Тогда не требуйте от неё выбрать сторону в первые дни. Даже если муж потребует.

Сахарова переворачивает страницу и задаёт вопрос, которого я не ждала:

— Кто сейчас оплачивает гостиницу?

— Я. Со своей карты.

— Доступ к личным деньгам есть?

— Да. Общий счёт я не трогала, только сохранила остатки.

— Правильно. Не делайте крупных переводов до анализа режима имущества и источников средств. Но и не оставайтесь без денег из страха выглядеть корыстной. Вы имеете право обеспечивать себе жильё и обычные расходы.

— Я не боюсь выглядеть корыстной.

Лада кашляет. Сахарова смотрит на неё, затем снова на меня.

— Хорошо. Тогда сформулирую иначе: люди, привыкшие держать всё под контролем, часто начинают доказывать собственную порядочность за свой счёт. Не надо. Мы фиксируем, что тратите, и не превращаем каждый обед в моральный выбор.

Я записываю, хотя хотелось бы не признавать, насколько точно она описала вчерашний звонок в банк. Затем мы обсуждаем квартиру. Она оформлена на нас обоих в равных долях, куплена в браке. Уход не означает отказ от права пользования или собственности. Сахарова советует не возвращаться одной и не забирать общие вещи без описи, но отдельно подчёркивает: я не обязана жить там ради сохранения доли.

— Муж наверняка скажет обратное, — замечает Лада.

— Пусть скажет письменно, — отвечает Сахарова. — Это упрощает работу.

Мне не нравится, что незнакомая женщина говорит очевидные вещи. Ещё меньше нравится то, что я нуждаюсь в этих очевидных вещах, разложенных по пунктам.

Сахарова задаёт вопросы почти без пауз. Какие счета совместные. На кого оформлена квартира. Есть ли брачный договор. Когда приобретались офисы. Кто владеет автомобилями. Кто хранит оригиналы корпоративных документов. Есть ли у меня доступ к реестру сделок, бухгалтерии, банк-клиенту. Я отвечаю и постепенно понимаю, сколько в нашей жизни было построено на доверии к человеку, которого я теперь не узнаю.

— По личному имуществу соберём перечень позже, — говорит она. — Сегодня важнее не допустить действий, которые потом придётся долго разворачивать. Я подготовлю уведомление о вашем требовании предоставлять документы общества и проект заявления по расторжению брака. Но прежде хочу понять, был ли вход в почту случайностью или частью изменения корпоративного контроля.

Она смотрит на часы. Те всё ещё отстают на три минуты.

— Господин Тарасов должен быть здесь.

В дверь стучат ровно в половине одиннадцатого. Елисей Тарасов входит без папки, только с тонким ноутбуком и телефоном. Высокий, тёмноволосый, в сером пальто, которое снимает уже у двери. На вид ему около сорока. Не улыбается для знакомства и не смотрит на меня дольше, чем необходимо.

— Мелания Григорьевна. Лада Андреевна. Рената Валерьевна.

Он знает, кто где сидит. Значит, подготовился. Сахарова жестом указывает на свободный стул.

— Мы развели семейную и корпоративную части. Вам — только вторая.

— И цифровые риски в пределах переданных данных, — уточняет Елисей.

Голос спокойный, низкий, без попытки придать вес каждому слову.

— У меня был вход в рабочую почту с неизвестного устройства, — говорю я.

— Покажите уведомление.

Передаю телефон. Он не берёт его сразу.

— Можно?

Это обычный вопрос, но после Платонова «убери телефон» он звучит почти вызывающе.

— Да.

Елисей открывает уведомление, смотрит детали, затем возвращает аппарат экраном ко мне.

— Здесь указан новый сеанс, но не видно, успешен ли он и что делали после входа. У вас двухфакторная авторизация была включена?

— Да.

— Подтверждение приходило?

— Нет.

— Тогда возможны три варианта. У кого-то есть активная сессия на другом устройстве. У администратора корпоративной системы есть возможность входа или сброса. Либо уведомление относится к вашему вчерашнему входу через браузер и система неверно определила устройство.

— То есть вы ничего не знаете.

— Пока — нет.

Он отвечает без раздражения. Это раздражает меня сильнее.

— Лада проверила журналы?

— Не смогла, — говорит она. — У неё обычные права.

Елисей разворачивает ноутбук.

— Кто администрирует корпоративную почту?

— Наш IT-подрядчик. «Техлиния».

— Договор у вас есть?

— В архиве.

— Актуальный список администраторов?

— Нет.

Он делает короткую запись.

— Когда вы в последний раз видели список доверенностей, изменения прав в CRM и перечень подрядчиков с доступом к клиентской базе?

Я называю даты. Чем дальше, тем менее уверенно.

— Вы считаете, Платон готовил это заранее? — спрашиваю я.

— Я считаю, что семейный конфликт делает заметными риски, которые могли существовать годами. Подготовка к захвату — одна гипотеза. Обычная небрежность — вторая. Попытка ограничить вас после пятницы — третья. Если я выберу любимую версию до проверки, вы заплатите за мою фантазию.

Сахарова едва заметно кивает.

— Что вам нужно? — спрашиваю я.

— Сначала перечень того, к чему у вас есть законный доступ. Копии договоров с IT-подрядчиками. Уведомление о входе. Последние протоколы участников. Действующие доверенности. Перечень администраторов CRM и почты, если компания предоставит. Логи — только через официальный запрос или с согласия уполномоченного лица.

— Я совладелица.

— Это не означает автоматическое право входить в любую систему под чужими учётными данными.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

В его «хорошо» нет похвалы. Только переход к следующему вопросу.

— Кто ещё знает о записи в спальне?

— Платон, те две женщины, Лада, Мелания Григорьевна, я и теперь вы.

— Мне она не нужна.

— Я не предлагала.

— Отлично. Тогда не будем создавать материал, который не относится к моей работе и может навредить вам.

Лада смотрит на меня предупреждающе. Видимо, на моём лице уже написано, что я думаю о человеке, который за десять минут трижды обозначил пределы собственной полезности.

— Вы всегда начинаете с того, чего не можете? — спрашиваю я.

— С того, за что не имею права брать деньги.

Он отвечает сразу. Не как заготовленную реплику, а как рабочее правило. Сахарова подвигает к нему лист с краткой схемой компании.

— Нам нужна первичная оценка. Не полноценное расследование.

— Семьдесят два часа, — говорит Елисей. — Диагностика рисков: структура доступов, подрядчики, известные изменения за последние три месяца, открытые связи контрагентов. Отдельно — список документов, которые нужно истребовать. Без доступа к личным аккаунтам, банковским системам и переписке с дочерью.

— Почему вы упомянули дочь?

— Потому что в корпоративном конфликте люди часто передают специалисту всё подряд, если считают, что так безопаснее. Я сразу отделяю личное.

Я смотрю на него внимательнее. Костюм сидит хорошо, но не выглядит новым. На правой манжете маленькая царапина на запонке. Он не пытается занять больше места, чем нужно, и не двигает мои бумаги к себе без разрешения. Это ничего не значит.

— Договор покажите, — говорю я.

Он открывает файл и поворачивает экран. В документе перечислены цели, источники данных, сроки, стоимость, ограничения. Я читаю медленно. На третьей странице нахожу формулировку о праве проводить интервью с сотрудниками.

— Только после согласования списка со мной и Ладой.

— Можно добавить.

— И никакого контакта с Кирой.

— Она не относится к предмету договора.

— Напишите это отдельно.

Елисей смотрит на меня секунду, затем вносит строку.

— Ещё что-нибудь?

— Никакого доступа к личному телефону целиком. Я передаю конкретное уведомление и выгрузку сеансов, если смогу получить.

— Согласен.

— И вы не связываетесь с Платоном без моего письменного разрешения.

— Это и так следует из объёма диагностики, но добавим.

Он не спорит ради демонстрации власти. Это непривычно и потому подозрительно.

— Почему вы взяли? — спрашиваю я.

Лада шевелится, будто хочет остановить вопрос. Елисей не отводит взгляд.

— Потому что запрос конкретный, сроки ограничены, а конфликт уже влияет на бизнес.

И потому что я могу проверить часть рисков без вторжения в вашу личную жизнь.

— Хороший коммерческий ответ.

— Другого у меня нет.

Мы подписываем договор электронной подписью. Перед оплатой я прошу выставить отдельный счёт по этапам: первый платёж — за сбор и сохранение данных, второй — за анализ, третий — после передачи итогового отчёта. Елисей соглашается и добавляет право остановить работу, если объём выйдет за рамки договора. Цена тоже получает границы.

Оплату я провожу со своей карты и прошу выставить счёт на меня, не на компанию. Если Платон позже попытается назвать расследование использованием общих денег, у него не будет такой возможности. Сахарова замечает это и одобрительно поджимает губы.

После встречи она оставляет меня на несколько минут подписать доверенность и заявление на подготовку иска о расторжении брака. Не подачу — пока только подготовку. Я впервые понимаю, что даже решение уйти состоит из последовательности скучных действий: паспортные данные, адрес, сведения о дочери, дата регистрации брака. В коридоре Елисей ждёт у окна. Лада уже уехала в офис собирать документы.

— Я отправлю список в течение часа, — говорит он. — Не пересылайте мне пароли. Если потребуется просмотр устройства, сделаем это вместе или через отдельного специалиста с актом.

— Вы говорите так, будто я собираюсь отдать вам всё содержимое телефона.

— Люди в кризисе часто отдают больше, чем собирались.

— Я не «люди в кризисе».

— Хорошо.

Снова это спокойное «хорошо». Как будто он не верит и не спорит одновременно. Я надеваю пальто.

— Что вы уже думаете о компании?

— Что у вас слишком много устных правил для бизнеса такого размера.

— Это я и без вас знаю теперь.

— Ещё думаю, что вход в почту совпал по времени с семейным разрывом. Совпадение нужно проверить. Но первый риск — не ваш муж.

Он закрывает ноутбук.

— Первый риск — то, чего вы о собственной компании не знаете.

В машине я открываю список документов, который приходит от него через семь минут. Никаких угроз. Никаких обещаний. Двадцать два пункта, разделённые на срочные, важные и вторичные. На пятом — перечень лиц, которым за последний месяц выдали административные права. Я пересылаю список Ладе. Она отвечает почти сразу:

«Уже поздно. В почту больше не пускает».

Глава 4. Доступ запрещён

Во вторник утром турникет в офисе пропускает меня с первой попытки. Это почти успокаивает. Охранник кивает, как обычно. Девушка на ресепшне поднимается со стула, собираясь предложить кофе, но я жестом останавливаю её и иду к лифтам. За стеклянной стеной переговорной уже сидят брокеры первой смены. На мониторах открыты карточки объектов, кто-то спорит по телефону о скидке, принтер выплёвывает договоры. Компания работает.

Значит, Платон пока не решился ломать то, что приносит деньги. Мой кабинет находится на шестом этаже. Дверь открывается электронным ключом. На столе всё так же лежит ежедневник, который я оставила в пятницу, и чашка с засохшим следом кофе. Я снимаю пальто, включаю компьютер и успеваю прочитать только логотип CRM.

«Доступ запрещён. Обратитесь к администратору».

Пробую корпоративную почту. Пароль неверный. Ввожу ещё раз, медленнее. Система предлагает восстановление через служебный номер, который принадлежит компании и находится у IT-подрядчика. Я откидываюсь на спинку кресла. Вчера вечером мы с Ладой договорились: никаких попыток «обойти» ограничения, никаких звонков знакомому системному администратору с просьбой открыть дверь через чёрный ход. Всё письменно. Всё так, чтобы потом не пришлось объяснять, почему совладелица компании входила в систему под чужими данными.

Знать правило легко. Соблюдать его, когда тебя запирают в собственном кабинете, значительно труднее. Лада входит без стука.

— У меня почта работает, — говорит она. — CRM тоже. Тебя отключили отдельно.

— Основание?

— Никто не знает. Или делает вид.

Она кладёт на стол распечатку. Короткое внутреннее уведомление от Платона: «В связи с необходимостью проверки действий отдельных сотрудников временно ограничить полномочия по работе с клиентскими и финансовыми данными». Имён нет.

— Когда разослали?

— В семь двенадцать. Я попросила секретаря зарегистрировать входящий номер. Она сказала, что это внутреннее распоряжение и регистрации не требует.

— Потребует.

Я беру служебный телефон и звоню начальнику IT-отдела. На третьем гудке он сбрасывает. Через минуту приходит сообщение: «На совещании. Все вопросы через генерального директора». Лада читает через моё плечо.

— Очень занятой человек.

— Напиши ему от себя запрос: кто, когда и на каком основании изменил мои права. Срок ответа — сегодня до двенадцати.

— Уже написала.

— Тогда второе письмо — Платону. Просим предоставить приказ, перечень ограничений, срок и основание.

— От твоего имени?

— Как от участника общества и операционного директора. Отправишь с копией на Сахарову.

Лада садится напротив.

— Рен, я должна спросить. Ты точно хочешь сегодня оставаться здесь? Он может приехать и устроить спектакль.

— Тогда спектакль увидят сотрудники, которых он рассчитывает убедить, что я исчезла и сорвала работу.

— Это не значит, что нужно подставляться.

— Это значит, что я пришла на рабочее место.

Она не спорит. Только смотрит на закрытый компьютер.

— Работать на нём ты не можешь.

— У меня есть бумага, телефон и голова.

— Последнюю тоже могут временно ограничить распоряжением.

Я всё-таки улыбаюсь. Мы переносим утреннее совещание из системы в переговорную. Сотрудники заходят по одному, и каждый на секунду задерживает взгляд на моём лице, будто ищет след вчерашнего скандала. Никто не спрашивает прямо. Сплетня уже есть, но пока не получила официальной формы.

— Работаем по текущим обязательствам, — говорю я. — Клиентские данные не пересылаем на личные адреса. Любые изменения доступа фиксируем письменно. Если получите распоряжение, которое меняет ваши функции, попросите его оформить официально.

Начальник отдела продаж поднимает руку.

— Рената Валерьевна, а кто сейчас утверждает скидки по сделкам выше пяти миллионов? Раньше ответ был очевиден: я или Платон, в зависимости от проекта.

— До письменного уточнения — по старой схеме. Если система не принимает моё соглашение, направляйте Платону и ставьте меня в копию через Ладу.

— Но ваша почта...

— Временно недоступна. Используйте зарегистрированный служебный адрес Лады.

Я вижу, как несколько человек переглядываются. Они не испуганы — они рассчитывают, кто из руководителей останется через месяц и чьи письма лучше не игнорировать сегодня. Компания не семья, как бы часто мы ни говорили обратное на корпоративах. После совещания остаётся Игорь, руководитель аналитической группы. Он работает с нами семь лет и раньше мог зайти ко мне без назначения.

— Рената Валерьевна, — начинает он тихо. — Я видел, что вчера меняли роли администраторов.

— Кто менял?

— Не знаю. В журнале был новый пользователь от подрядчика.

— Какого?

Он смотрит на дверь.

— Я не хочу в это лезть.

— Я не прошу нарушать правила. Напишите служебную записку о том, что видели.

— А если Платон Игоревич решит, что я выбрал сторону?

— Тогда вы напишете не мне, а в общий архив компании. Факт останется фактом.

Игорь качает головой.

— Простите. Пока не могу.

Он уходит, не дождавшись ответа. Через несколько минут в кабинет заглядывает моя помощница Аня. Ей двадцать четыре, она работает у нас меньше года и ещё не научилась скрывать тревогу за деловой улыбкой.

— Рената Валерьевна, можно?

— Да.

— Платон Игоревич попросил передавать ему ваш график встреч. Я сказала, что у меня нет доступа к календарю. Но он спросил, куда вы сегодня поедете после офиса.

— Что вы ответили?

— Что не знаю.

— Правильно. С этого момента никому не передавайте мой маршрут и встречи без письменного рабочего основания. Это касается и Лады, и адвоката, и любых консультантов.

— А если он скажет, что это вопрос безопасности?

— Тогда пусть пишет мне.

Она кивает, но не уходит.

— Я не хочу оказаться между вами.

— Не окажетесь, если будете выполнять только оформленные поручения.

— Но вы оба руководители.

— Поэтому сохраняйте письма и задавайте уточняющие вопросы. Если распоряжения противоречат друг другу — передавайте юридическому отделу. Не решайте, кто из нас прав.

Аня заметно выдыхает. Я впервые понимаю, насколько удобно было требовать от сотрудников «лояльности семье», когда семья и руководство считались одним целым. Теперь моя задача — не получить их любовь, а дать им способ работать, не становясь свидетелями спални.

Мне хочется назвать его трусом. Вместо этого я записываю время разговора в блокнот. Человек с ипотекой и двумя детьми не обязан становиться свидетелем моего развода. Но его отказ показывает, насколько быстро Платон превратил обычную осторожность в инструмент управления.

В одиннадцать Сахарова присылает проект официального требования о предоставлении документов общества. Перечень длинный: протоколы, договоры с подрядчиками, доверенности, сведения о крупных сделках, реестр участников, документы по изменению прав доступа. Я читаю и убираю всё, что не относится к срочному риску.

— Почему сокращаешь? — спрашивает Лада.

— Потому что если потребуем архив за пять лет, они утонут в объёме и получают повод тянуть. Мне нужны последние три месяца и конкретные изменения.

— Сахарова не обидится?

— Она адвокат, не автор священного текста.

Мы согласовываем финальную версию и отправляем её курьером с описью, параллельно — на официальный адрес общества. Обычный документ с номером, датой и сроком ответа. После отправки мне становится легче: доступ ещё не вернулся, зато я перестала просить разрешения пользоваться собственной долей.

В полдень звонит Платон. Я смотрю на экран и отвечаю. Рядом Лада включает диктофон на своём телефоне, но я качаю головой. Разговор пока не о преступлении, а о работе. Я хочу слышать его без театра записи.

— Ты в офисе, — говорит он вместо приветствия.

— Да.

— Я просил тебя взять паузу.

— Ты ограничил мои доступы без объяснения.

— На время внутренней проверки.

— Какой именно?

— Рената, не начинай юридические игры. После пятничного вечера мне нужно убедиться, что ты не вытащишь данные и не навредишь компании.

— Моё поведение в пятницу — уход из квартиры.

— Ты снимала людей без согласия и угрожала адвокатом.

— Я не угрожала. Я сказала, с кем ты будешь обсуждать последствия.

Пауза. Я почти вижу, как он меняет линию разговора.

— Хорошо. Давай спокойно. Ты сейчас эмоционально нестабильна. Возьми неделю. Зарплата будет идти. Вернёшься, когда мы решим личный вопрос.

— Личный вопрос не даёт тебе права выключить участника общества.

— Не смешивай долю и должность.

— Именно поэтому я направила требование как участник.

Он молчит дольше.

— Ты уже наняла Сахарову?

- Письмо зарегистрировано. Отвечай по существу.
- Ты развязываешь войну из-за одной ночи.
- Я защищаю доступ к компании, которую строила двенадцать лет.
- Доступ у тебя будет, когда я пойму, что ты не собираешься мстить.
- Это не твоё условие.
- Я заканчиваю разговор первой. Лада опускает глаза на стол.
- Он звучал почти разумно.
- В этом его преимущество.

В два часа приходит Елисей. Не входит в кабинет, пока секретарь не сообщает о нём, хотя его имя уже внесено в список посетителей. На столе он раскладывает не бумаги, а три коротких списка.

- Что установлено, — говорит он. — Что предполагаем. Что нужно запросить.
- Доступ мне вернёте?
- Нет.
- Тогда зачем вы здесь?
- Чтобы не дать вам сделать то, что потом будет использовано против вас.

Он показывает на первый список. В ночь на субботу в корпоративной системе действительно появилась новая административная учётная запись. Создана она через подрядчика, у которого с «Ключом города» действующий договор на техническое сопровождение части CRM.

- «Техлиния»? — спрашиваю я.
- Нет. Новый подрядчик. ООО «Северный контур».
- Название ничего мне не говорит.
- Договор?
- В открытом доступе его нет. Лада нашла карточку контрагента в реестре платежей, к которому у неё есть доступ. Первый платёж — три недели назад.
- За что?
- Формулировка общая: «информационно-аналитические услуги». Сумма небольшая для вашей компании, поэтому могла не попасть вам на подпись.

- Я смотрю на Ладу.
- Ты видела их раньше?
- Нет.

Елисей продолжает:

- Это пока не доказательство нарушения. Новый подрядчик мог быть привлечён законно. Но его сотруднику выдали административные права в ночь после вашего ухода. Совпадение требует объяснения.
- Значит, требуем договор и акт.
- Уже в перечне Сахаровой.

Он достаёт проект временного алгоритма: работа только через зарегистрированные каналы, запрет сотрудникам передавать пароли, резервное хранение документов, отдельный адрес для официальных запросов. В третьем пункте указано: «Все контакты с сотрудниками по вопросам расследования проводятся представителем “Вертикаль Консалт”».

- Нет, — говорю я.
- Почему?
- Вы не будете ходить по моему офису и задавать вопросы без меня. Сотрудники решат, что я привела следствие.
- Если вы будете присутствовать, ответы могут быть осторожнее.
- Тогда согласовываем каждого человека и цель разговора. И начинаем не с интервью, а с документов.

Елисей смотрит на пункт, затем меняет формулировку.

— Подойдёт?

— Да.

— Тогда действуем так.

Он не говорит «я же предупреждал», не предлагает мне уйти домой и отдохнуть. Просто принимает ограничение, которое я могу объяснить. Перед уходом Елисей просит показать внутреннее распоряжение Платона. Читает дважды.

— Оно расплывчатое, — говорит он. — Это удобно для давления, но плохо для исполнения. Требование Лады о письменном основании правильное.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваете меня взглядом?

— Я не спрашиваю.

— Хорошо.

Он закрывает папку. Я уже начинаю ненавидеть это слово. Перед пятью звонит Сахарова. Я пересказываю разговор с Платоном и отправляю ей внутреннее распоряжение.

— Не спорьте с формулировкой «проверка» в общей переписке, — говорит она. — Просите предмет, срок, состав комиссии и порядок ознакомления с результатами. Само по себе слово не лишает вас прав.

— Он использует проверку, чтобы держать доступ закрытым.

— Тогда нам нужен документ, где это связано напрямую. Не выводите связь за него. Пусть объяснит письменно.

— А если не объяснит?

— Его молчание тоже останется в хронологии.

После разговора я составляю отдельную таблицу: запрос, дата, кому направлен, срок ответа, что получено. Лада сначала закатывает глаза, потом добавляет колонку «последствие отсутствия ответа». Именно она делает таблицу полезной: не просто архив писем, а карта того, где молчание мешает работе. В пять вечера приходит ответ IT-отдела. Права изменены по распоряжению генерального директора. Срок не указан. Основание — внутренняя проверка.

Ниже приложен список текущих администраторов. Я читаю фамилии. Двух знаю. Третья незнакома. Организация: ООО «Северный контур». Дата предоставления прав — суббота, 00:47. Лада увеличивает строку на экране. Рядом стоит номер заявки и фамилия сотрудника, который подтвердил изменение. Имя мне незнакомо. Мы не звоним ему сразу: сначала сохраняем файл, просим IT подтвердить источник выгрузки и добавляем запись в официальный запрос.

— Раньше я бы уже вызвала его в кабинет, — говорю я.

— Раньше у тебя работал доступ, — отвечает Лада.

Через два часа после того, как я вышла из дома.

Глава 5. Версия для рынка

В среду в восемь утра мне звонит Аркадий Михайлович Белозёров, владелец строительной компании, с которой мы готовили сделку почти четыре месяца. Он не здоровается.

— Рената Валерьевна, у вас там что происходит?

Я стою у окна гостиничного номера с чашкой кофе, который успел остыть ещё до первого глотка. На экране ноутбука открыт график платежей по его проекту. Через неделю мы должны были подписать агентское соглашение на продажу двух жилых корпусов.

— Уточните, пожалуйста.

— Мне ночью прислали материал. Что вы сорвали переговоры, ушли из компании и теперь блокируете сделки из-за семейной истории.

— Кто прислал?

— Неважно.

— Для меня важно.

— Для меня важно, кто завтра будет выполнять обязательства. Вы или ваш муж.

Я ставлю чашку на подоконник.

— Команда работает. Юридические обязательства компании не менялись. Сегодня до полудня я направлю вам подтверждение текущего плана и ответственных лиц.

— А вы сами в компании или уже нет?

— Я участник общества и операционный руководитель. Мои технические доступы сейчас ограничены, это оспаривается официально.

Фраза звучит хуже, чем молчание. Но если я начну прятать факт, Платон расскажет его за меня и добавит удобные детали. Белозёров шумно выдыхает.

— Я не хочу быть между супругами.

— Вы между сроками и риском проекта. Я предлагаю говорить только об этом.

— Мне нужна подпись генерального директора.

— Получите.

— И ваша личная гарантия по операционной части.

— Тоже получите.

— Семьдесят два часа, Рената Валерьевна. Если не увижу понятной схемы, ставлю проект на паузу.

Он отключается. Через минуту Лада присылает ссылку. Публикация размещена в небольшом телеграм-канале о недвижимости. Заголовок обещает рассказ о «семейном скандале в одной из крупнейших московских сетей». В тексте нет прямой лжи, только аккуратно собранные намёки: совладелица якобы в эмоциональном состоянии покинула компанию, забрала документы и сорвала переговоры. Платон представлен человеком, который «старается удерживать бизнес от личной мести».

Моё имя написано полностью. В комментариях уже спорят, может ли женщина руководить сетью во время развода. Я закрываю канал. В прежней жизни мне казалось, что публичное унижение обязательно ощущается как удар. На деле оно похоже на грязь на светлой ткани: сначала рассматриваешь пятно и думаешь, где успела прислониться, потом понимаешь, что все остальные тоже его видят.

Платон звонит в девять. Я не отвечаю. Вместо этого еду в офис. К десяти в переговорной собираются руководители отделов: Лада, продажи, маркетинг, юридическая служба, бухгалтерия. Платона нет. Его секретарь сообщает, что генеральный директор работает удалённо. На экране перед сотрудниками открыта презентация проекта Белозёрова. Не публикация. Я не собираюсь превращать сплетню в главный документ дня.

— Сразу по существу, — начинаю я. — В сети распространяется информация о моём выходе из компании и срыве обязательств. Это неверно. Управленческий конфликт существует. Компания продолжает работу. Сегодня нам нужно закрыть три риска: клиент, полномочия и единая коммуникация.

Маркетолог поднимает руку.

— Мы будем выпускать опровержение?

— После согласования с адвокатом. До этого никто не комментирует мою личную жизнь. На вопросы клиентов отвечаем одной формулировкой: обязательства исполняются, управление разделено в рамках корпоративных процедур.

— Звучит так, будто у нас кризис, — говорит начальник продаж.

— У нас и есть кризис. Врать клиентам опаснее, чем назвать его рабочим словом.

В комнате становится тише. Я распределяю задачи. Юристы готовят письмо Белозёрову. Финансовый отдел подтверждает, что проектные счета не затронуты. Продажи составляют график показов и список ответственных. Маркетинг не удаляет комментарии и не вступает в перепалки, а сохраняет ссылки на публикации и обращения клиентов. Лада смотрит на меня через стол.

— Твоя подпись нужна на гарантийном письме. Как подпишешь без доступа к системе?

— На бумаге и квалифицированной подписью с отдельного носителя. Токен у меня.

— Если доверенность ещё действует.

— Проверим до отправки.

Первые полчаса проходят почти нормально. Люди задают вопросы, получают задачи, записывают сроки. Потом бухгалтер Ирина говорит:

— Есть ещё один момент. Сегодня утром Платон Игоревич запросил список всех договоров, которые вы подписывали за последние шесть месяцев.

— Для проверки?

— Формально да.

— Предоставьте по реестру. Ничего не убирайте и не добавляйте.

— Он просил отдельно отметить отклонения от типовых условий.

— Отметьте объективно.

Ирина кивает, но остаётся сидеть.

— Ирина?

— Простите. Мне нужно понимать, кто сейчас принимает решения. У меня два руководителя, и оба говорят фиксировать всё письменно.

— Тогда у вас редкое счастье: следуйте письменным документам.

В комнате кто-то тихо усмехается. Напряжение немного отпускает. После совещания Елисей ждёт в коридоре. Он не вошёл, хотя Лада отправила ему приглашение.

— Вы могли присутствовать, — говорю я.

— Это была встреча вашей команды. Моё присутствие усилило бы версию о внешнем управлении.

— Вы уже читали публикацию?

— Да.

— И?

— Она написана человеком, который знает внутреннюю структуру, но осторожно избегает утверждений, за которые легко отвечать. Первичный канал получил текст от PR-агентства. Агентство работает через посредника.

— Снежана?

— Гипотеза. У неё есть отношения с агентством, но прямой связи с публикацией пока нет.

Он протягивает мне один лист: временная шкала распространения. Канал, перепечатки, первые комментарии, письма клиентам.

— Откуда это?

— Открытые данные и письма, которые передали вам клиенты. Мы восстановили первые четыре часа распространения. Исходный текст появился в закрытой рассылке агентства, потом его пересказал канал, затем два региональных паблика.

— Можно установить автора?

— Не сейчас. Но видно, кто получил материал до публикации. У трёх адресатов есть рабочие связи со Снежаной Лисовой. Это косвенно.

— Значит, она.

— Значит, нужно запросить у площадки данные по официальной процедуре, если Сахарова сочтёт это необходимым. И собрать версии письма: иногда источник выдаёт себя деталями, которые менялись между копиями.

Я листаю таблицу. В одной версии сказано, что я «забрала корпоративные документы», в другой — «пыталась забрать». Разница всего в одном глаголе, но именно такую формулировку Платон использовал ночью в кабинете.

— Вот это уже связь?

— Маркер. Не доказательство. Сохраним.

Никакого доступа к закрытым аккаунтам. Я киваю.

— Белозёров дал семьдесят два часа. Требуется подпись Платона.

— Вы можете получить её?

— Он либо подпишет, либо покажет клиенту, что сам блокирует проект.

— Тогда вам нужен не публичный спор, а предложение, отказ от которого будет иметь цену для него.

Мы идём в мой кабинет. Елисей садится не за стол, а на боковой стул, оставляя мне привычное место. Я открываю проект гарантийного письма.

— Что вы предлагаете? — спрашивает он.

— Разделить подписи. Платон подтверждает юридические обязательства и отсутствие запрета на проектные платежи. Я — операционный график и персональную ответственность за этапы. Если он откажется, Белозёров увидит, кто создаёт неопределённость.

— А если подпишет?

— Мы удержим клиента.

— Цена для вас?

— Если команда сорвёт срок, ответственность будет на мне.

— Это не юридическая гарантия личным имуществом?

— Нет. Управленческая и репутационная.

— Тогда формулировку нужно сделать точнее, чтобы клиент не прочитал больше, чем вы обещаете.

Мы правим письмо вместе с юристом по видеосвязи. Елисей не пишет текст за меня, только задаёт вопросы.

— Кто реально отвечает за показы в выходные?

— Руководитель группы Марина.

— Если ваш доступ не вернут, она может менять график?

— Да, в пределах утверждённого бюджета.

— Тогда это нужно написать. Клиенту важна не фамилия руководителя, а непрерывность функции.

Мы добавляем схему замещения: Марина отвечает за показы, Лада — за документы, я — за решения по отклонениям, Платон — за действия генерального директора. Отдельно ука-

зываем, что ни один участник конфликта не может единолично менять согласованный график клиента без письменного уведомления.

— Он это не подпишет, — говорит юрист.

— Тогда у Белозёрова будет его отказ, — отвечаю я.

Елисей качает головой.

— Не стройте документ только как ловушку. Он должен работать и в случае подписи.

— Работает. Если Платон подпишет, проект сохранится.

— Хорошо. Тогда уберите фразу «в связи с необоснованным ограничением». Она превращает гарантию в обвинение.

Я хочу оставить. Именно она объясняет, почему мы вообще составляем письмо. Но клиенту не нужно участвовать в споре о правоте. Удаляю. Елисей задаёт вопросы: кто способен выполнить этап без моего доступа, какой срок реалистичен, что произойдёт, если Платон задержит подпись.

В одиннадцать Сахарова согласовывает короткое публичное заявление. В нём нет ни измены, ни развода, ни слов «клевета» и «преследование». Только сообщение, что Рената Кузьмина остаётся участником общества и продолжает отвечать за действующие проекты; внутренние разногласия урегулируются в правовом порядке. Маркетолог расстроен.

— Слишком сухо. Люди не поверят.

— Тогда добавим видеообращение, — предлагает другая сотрудница маркетинга. — Вы в кадре, спокойно объясняете, что контролируете ситуацию. Это хорошо расходится.

Я представляю себя перед камерой: нейтральный фон, правильный свет, фраза о стабильности. Под видео люди будут обсуждать глаза, голос, кольцо, отсутствие кольца и то, насколько убедительно выглядит женщина после измены. Платон получит бесплатное продолжение истории.

— Нет видео, — говорю я.

— Почему? Это покажет, что вы не прячетесь.

— Потому что компания продаёт недвижимость, а не мою реакцию. И потому что любое личное обращение будет нарезано на фрагменты, где я либо слишком спокойная, либо слишком эмоциональная.

— Но сухое заявление проиграет живому человеку.

— Пусть проиграет по просмотрам. Оно должно выиграть по последствиям.

Маркетолог недовольно закрывает ноутбук. Я понимаю её: она умеет гасить кризисы вниманием и скоростью, а я запрещаю два самых сильных инструмента.

— Сделайте вместо этого страницу с текущими проектами, ответственными и сроками, — добавляю я. — Клиенты должны увидеть, кто им отвечает и что не остановилось. Без фамилий из моей семьи.

Она снова открывает ноутбук.

— Это уже можно продать.

— Не продавайте. Просто сделайте понятно.

— Люди не обязаны верить мне как жене, — говорю я. — Им нужно понимать, выполняем ли мы договоры.

Публикацию размещают на официальных страницах компании после согласования. Платон не отвечает на просьбу подтвердить текст, но и не запрещает. Через час он присылает мне личное сообщение:

«Прекрати выносить сор из дома».

Я не открываю диалог. К четырём гарантийное письмо готово. Моя подпись проходит. Платону направляют запрос через корпоративную почту и курьером в его кабинет. В пять тридцать приходит отказ его секретаря: «Платон Игоревич считает преждевременным подтверждать обязательства до завершения внутренней проверки». Белозёров звонит сам.

— Я получил вашу часть. Подписи генерального нет.

— Получили его письменный отказ?

— Да.

— Тогда предлагаю временный механизм. Расчёты по проекту проводятся только по согласованному бюджету, каждое изменение подтверждают два ответственных лица. Я предоставляю еженедельный отчёт. Вы сохраняете право остановить следующий этап при нарушении.

— Вы хотите, чтобы я стал арбитром в вашем конфликте.

— Нет. Я предлагаю вам контролировать собственный риск.

Он молчит. За окном переговорной сотрудники расходятся по домам, но свет в отделе продаж ещё горит.

— Семьдесят два часа остаются, — говорит Белозёров. — Если Платон подпишет раньше, продолжаем без паузы. Если нет — решу по вашей схеме.

— Договорились.

После звонка начальник продаж просит пять минут. Он закрывает дверь переговорной и говорит, что двое брокеров уже спрашивали, стоит ли искать работу.

— Что вы им ответили?

— Что проект жив. Но люди видят два центра управления. Им нужно понимать, кто платит зарплату и кто завтра подпишет их сделки.

— Зарплату платит компания. Сделки оформляем по действующим полномочиям.

— Это правильный ответ, но им нужен ещё и человеческий.

Я не сразу понимаю, что он просит. Потом говорю:

— Скажите, что я не ухожу из компании и не прошу никого выбирать меня против Платона. Если полномочия изменятся официально, я сообщу сама. До этого работаем по документам.

Он кивает.

— Вот это им и передам.

Впервые за день я вижу цену публикации не в комментариях, а в людях, которые начинают планировать бегство раньше, чем компания действительно падает. После звонка я остаюсь за столом. Елисей закрывает ноутбук.

— Вы сделали всё, что могли сегодня.

— Ненавижу эту фразу.

— Я не сказал, что этого достаточно.

— Лучше.

Он собирается уходить, но Лада входит с распечатанным письмом.

— Пришло от Белозёрова. Официально. Семьдесят два часа. И ещё он требует личную подпись Платона на отсутствии ограничений по сделке.

— Мы знаем.

— Там приложение.

Я беру бумаги. В приложении — список вопросов к компании. Один из них касается нового подрядчика, который получил доступ к части клиентских данных.

«Просим подтвердить, не передавались ли сведения по проекту ООО “Северный контур”».

Я поднимаю глаза на Елисея.

— Откуда Белозёров знает это название?

Он снова открывает ноутбук.

— Вот теперь вопрос хороший.

Глава 6. Кира остаётся

Кира выбирает кафе сама. Это место возле её школы, где подают огромные молочные коктейли и пасту в мисках, похожих на салатники. В пятницу после уроков здесь шумно: подростки занимают диваны, рюкзаки лежат в проходах, официанты обходят компании боком. Я прихожу на десять минут раньше и выбираю стол у окна. Не в дальнем углу, чтобы встреча не выглядела тайной, и не у входа, где нас увидит каждый знакомый.

Кира появляется точно вовремя. На ней короткая куртка, широкие джинсы и шарф, который я покупала ей осенью. Волосы собраны небрежно, но стрелки на глазах идеальные. Она снимает наушники только у стола.

— Привет.

— Привет.

Обнимаемся неловко. Раньше она позволяла поцеловать себя в висок, теперь сразу садится и кладёт телефон экраном вниз.

— Ты хорошо выглядишь, — говорю я.

— Не начинай.

— Что именно?

— Делать вид, что мы просто встретились пообедать.

Я отодвигаю меню.

— Хорошо. Не будем.

Официант подходит слишком быстро. Кира заказывает пасту и воду, хотя обычно берёт коктейль. Я — чай. Пока он записывает, мы обе молчим.

— Папа сказал, ты подаёшь на развод, — говорит она, когда официант уходит.

— Я готовлю документы.

— Из-за тех женщин?

Прямой вопрос заставляет меня сделать вдох медленнее.

— Да. И не только из-за них. Но они стали моментом, после которого я не хочу продолжать брак.

Кира смотрит в окно.

— Он говорит, ты всё преувеличила.

— Я не буду рассказывать тебе подробности.

— Потому что хочешь выглядеть хорошей?

— Потому что ты наша дочь, а не человек, которому нужно показывать взрослое унижение, чтобы получить поддержку.

Она проводит пальцем по краю телефона.

— Значит, это правда.

— Да.

— Две?

Я киваю. Кира закрывает глаза на секунду. Когда открывает, в них злость, но направлена она неясно куда.

— Он идиот.

— Возможно.

— И ты всё равно ушла, не поговорив со мной.

— Ты была у Сони. Я не собиралась приезжать ночью и просить выбрать, куда тебе ехать.

— А сейчас собираешься?

Вот он, вопрос, ради которого мы здесь.

— Нет. Я хочу понять, как тебе удобно жить ближайшие недели.

— Папа сказал, ты снимешь квартиру и я могу переехать к тебе, если захочу. Но у тебя пока гостиница.

— Временно.

— И ты не знаешь, где будешь через месяц.

— Адрес я найду. Школу менять не придётся.

— До школы от папы десять минут. Репетитор приходит домой. У меня там компьютер, одежда, всё.

Каждый пункт разумный. От этого больше, чем если бы она повторяла чужие обвинения. Официант приносит воду. Кира делает несколько глотков и продолжает:

— У тебя сейчас суды, адвокаты, работа. Ты сама говорила, что в кризис нельзя тащить в дом лишнее.

— Ты не лишнее.

— Я знаю. Но ты пропустила мою презентацию в школе в прошлом месяце. И встречу с куратором перенесла три раза. Папа пришёл.

Я помню презентацию. В тот день у нас сорвалась регистрация договора по двум этажам бизнес-центра, и я до ночи исправляла документы. Кира прислала видео, я посмотрела его в машине и написала, что горжусь. Тогда казалось, этого достаточно.

— Ты права, — говорю я. — Я пропустила.

Она явно ждала объяснения про сделку и ответственность. Моё согласие снова сбивает подготовленный спор.

— Папа хотя бы бывает дома.

— Бывает.

— И он не спрашивает меня каждые пять минут, удобно ли мне. Просто делает.

— Иногда это хорошо. Иногда человек делает то, чего ты не просила.

— Ты сейчас про измену или про меня?

— Про тебя. Если тебе подходит жить у него, это важно. Я не буду убеждать, что мой способ заботы лучше, только потому что он мой.

Кира отламывает край бумажной салфетки.

— Я не хочу переезжать в комнату, где всё временное. И не хочу каждый вечер слушать, как вы обсуждаете документы.

— Тогда не переезжай. Но мы всё равно должны договориться, как видимся и как ты общаешься, если тебе некомфортно.

— Ты всегда превращаешь разговор в план.

— Это мой недостаток.

— Ты считаешь его достоинством.

— До этой недели считала.

Она впервые смотрит на меня без защиты. Несколько секунд между нами нет ни Платона, ни денег, ни квартиры. Только обида дочери на мать, которая слишком часто выбирала работу и называла это общим будущим.

— Я не обещаю стать другой за выходные, — говорю я. — Но обещаю не использовать твоё решение против тебя.

Кира опускает взгляд.

— Я знаю, что я не лишняя. Но это не значит, что я должна переехать, чтобы доказать любовь.

Я смотрю на неё и неожиданно узнаю собственную интонацию. Не слова — способ поставить границу заранее, пока другой человек не успел потребовать больше.

— Не должна, — говорю я.

Кира явно готовилась спорить. Мой ответ оставляет её без следующей реплики.

— Я хочу остаться у папы, — произносит она наконец.

Снаружи мимо окна проходит женщина с маленьким мальчиком. Он тянет её за руку к витрине с пирожными. Я слежу за ними дольше, чем нужно.

— Хорошо.

— Просто хорошо?

— Мне не нравится. Но это твоё решение.

— Ты не будешь говорить, что он меня купил?

— Он тебя купил?

— Нет.

Ответ слишком быстрый.

— Тогда не буду.

Кира отводит взгляд.

— Он сказал, что оплатит подготовительные курсы и летом стажировку в Лондоне, если всё успокоится.

— Это было запланировано до нашего конфликта.

— Он сказал, что теперь не знает, сможет ли. Если компания развалится.

Вот оно. Не прямой шантаж, а аккуратная связь между моими действиями и её будущим.

— Компания не развалится из-за развода, — говорю я.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я делаю всё, чтобы она работала.

— Папа говорит то же самое.

— Верю.

— Вы оба говорите спокойно и оба хотите, чтобы я решила, кто врёт.

— Я не хочу.

— Но ты ждёшь, что я пойму, какой он.

Я опускаю ладони на стол. Не сжимаю их, просто держу ровно.

— Я хочу, чтобы ты знала правду о том, что касается тебя. Я ушла. Брак заканчивается. У нас есть спор по компании. Ты можешь жить у отца и любить его. Это не делает меня виноватой и не делает тебя предательницей.

Кира долго смотрит на меня.

— Ты это заготовила?

— Нет.

— Звучит как у психолога.

— Тогда скажу проще. Я злюсь, что ты остаёшься. Но запрещать не буду.

На её лице впервые появляется что-то живое — почти облегчение. Приносят пасту. Кира наматывает спагетти на вилку и не ест.

— Он проверяет мой телефон, — говорит она тихо.

— Всегда проверял?

— Нет. С субботы. Говорит, что ты можешь присылать мне что-то, чтобы настроить против него.

— Он читает нашу переписку?

— Некоторые сообщения. Когда телефон лежит дома.

— Ты можешь поставить пароль.

— Тогда он решит, что я что-то скрываю.

Первая реакция — дать инструкцию: новый пароль, второй мессенджер, отдельный канал. Но Кира не сотрудник, которому я выдаю схему безопасности.

— Как ты хочешь общаться? — спрашиваю я.

— Не знаю.

— Можно договориться о звонках, когда ты идёшь из школы. Можно встречаться здесь два раза в неделю. Можно писать через почту. Выбирай сама.

— Два раза — много.

— Один?

— В среду после уроков. И иногда в воскресенье, если не будет подготовки.

— Хорошо. Звонки?

— Не каждый день. Папа говорит, ты специально будешь звонить, когда мы ужинаем.

— Я могу писать до шести, а ты отвечаешь, когда удобно.

— И не спрашивай каждый раз, всё ли нормально. Это звучит так, будто у меня должно быть плохо.

Я записываю правило в заметках телефона, потом понимаю, насколько это похоже на рабочий протокол, и убираю аппарат.

— Запомню без списка.

— Не уверена.

— Тогда напомни, если нарушу.

Кира смотрит на меня с сомнением.

— Ты не разозлишься?

— Разозлиться могу. Но всё равно послушаю.

— Очень обнадеживает.

Её сарказм впервые звучит знакомо, почти по-домашнему.

— Один?

— Давай в среду после уроков и в воскресенье, если не будет занятий.

— Хорошо.

— И не присылай ничего про папу.

— Не буду.

— И про суд тоже.

— Если событие касается тебя, скажу лично. Остальное — нет.

Она кивает и наконец пробует пасту. Мы говорим ещё почти час, но не о разводе. О пробном тесте, преподавателе литературы, платье Сони на школьный вечер. Разговор постоянно спотыкается о невидимую границу. Я не спрашиваю, что Платон говорил обо мне. Кира не спрашивает, где я сплю. Обе понимаем, что вопросы есть, и обе пока выбираем сохранить стол между нами.

Когда мы выходим, у тротуара стоит машина Платона. Не его обычный внедорожник — водительская. За рулём Сергей, который работает в семье много лет. Кира поправляет шарф.

— Он прислал за мной.

— Ты просила?

— Да.

Я не уверена, что это правда, но не проверяю.

— Напиши, когда доедешь.

— Хорошо.

Она делает два шага, потом возвращается.

— Мам.

— Да?

— Я остаюсь у папы. Но это не значит, что я сказала, будто ты плохая.

— Я поняла.

На этот раз она сама коротко обнимает меня. Потом садится в машину и сразу смотрит в телефон. Сергей кивает мне через стекло, как будто всё происходит в обычную пятницу. Я остаюсь на тротуаре, пока автомобиль не скрывается за поворотом. На соседней лавке сидит женщина с подростком. Они спорят о шапке, потом оба смеются. Я отворачиваюсь, потому что чужая обычность снова кажется роскошью.

Лада ждёт в машине через квартал. Я попросила не подъезжать к кафе, чтобы Кира не решила, что встреча проходила под наблюдением. Когда сажусь, она не спрашивает, как всё прошло. Просто протягивает термос.

— Чай. Не гостиничный.

— Она остаётся у него.

Лада заводит машину, но не трогается.

— И как ты?

— Хочу найти аргумент, который заставит её передумать.

— Нашла?

— Десять. Ни один не имею права использовать.

— Значит, встреча прошла лучше, чем могла.

— Это ужасный критерий.

— Другого пока нет.

Плакать не хочется. Хочется позвонить Платону и потребовать, чтобы он не трогал её телефон, не связывал курсы с компанией, не посылал машину к кафе. Все эти требования будут правильными и бесполезными: он превратит их в доказательство, что я пытаюсь управлять их отношениями.

Перед тем как уйти, я захожу в аптеку рядом с кафе и покупаю Кире привычные витамины, которые она забывает брать сама. На кассе держу коробку в руке и понимаю, что не знаю, передать ли её сейчас: любой бытовой жест может показаться попыткой купить расположение. Пишу: «Забыла спросить, витамины заканчиваются?».

Она отвечает через минуту: «Да. Можешь оставить у охраны школы в среду». Ни благодарности, ни холодности. Просто договорённость. Этого достаточно. Я покупаю коробку и убираю чек в кошелёк, не в папку расходов. Не всё обязано становиться доказательством. Телефон в кармане звонит. Елисей. Я отвечаю после четвёртого гудка.

— Удобно говорить? — спрашивает он.

— Нет. Но говорите.

— Лада сказала, вы встречаетесь с дочерью. Я не спрашиваю о содержании. Только нужно ли менять план безопасности после разговора.

— Почему его нужно менять?

— Если адрес гостиницы мог попасть к Платону через водителя, оплату или ваш маршрут. Это одна из гипотез.

— Он не знает адрес.

— Хорошо. Тогда ничего не меняем без вашего решения.

Я стою под вывеской кафе и смотрю на пустое место, где только что была машина.

— Елисей Кириллович.

— Да?

— Добавьте в договор отдельный запрет на любые контакты с Кирой. Даже если вам покажется, что это связано с моей безопасностью.

— Добавлю.

— И пришлите мне до вечера.

— Пришлю.

Он не спрашивает, как прошла встреча. Не говорит, что всё наладится. Просто заканчивает разговор после согласованного действия. Через десять минут приходит дополнение к договору. Я читаю формулировку дважды и подписываю. Кира пишет уже из машины: «Доехала. Папа дома». Я отвечаю одним сердцем и убираю телефон.

До гостиницы иду пешком несколько кварталов. В витринах отражается женщина с прямой спиной и пакетом витаминов, а не мать, которую только что оставили. Это полезное раз-

личие: Кира не оставила меня. Она выбрала привычный дом, школу и удобство. Боль не делает её решение предательством. Сегодня дочь выбрала не меня.

Но впервые за последние дни я не пытаюсь превратить потерю в немедленный ответный ход.

Глава 7. Первое условие

В субботу офис «Вертикаль Консалт» почти пуст. На ресепшене горит только одна лампа, за стеклянными дверями переговорных темно. Елисей встречает меня у лифта без пиджака, в белой рубашке с закатанными рукавами. На столе уже лежат распечатки, договор и карта рисков, разложенная на три блока: компания, репутация, личная безопасность.

— Почему здесь личная безопасность? — спрашиваю я вместо приветствия.

— Потому что публикация и попытка входа в почту показывают, что конфликт вышел за пределы дома. Но этот раздел можем исключить.

— Не исключить. Ограничить.

Он кивает и предлагает кофе. Я выбираю воду. Мы садимся напротив друг друга. На первой странице карты — схема компаний, подрядчиков и лиц, связанных с новыми доступами. «Северный контур» отмечен серым: гипотеза, не вывод.

— За семьдесят два часа мы подтвердили только три факта, — говорит Елисей. — Новый подрядчик появился три недели назад. Его сотрудник получил административные права ночью после вашего ухода. Название подрядчика всплыло в вопросах Белозёрова, хотя вы не сообщали его клиенту.

— Значит, утечка.

— Значит, информация циркулирует шире, чем вы считали. Источник не установлен.

Он передвигает ко мне второй лист.

— Полноценное расследование займёт от четырёх недель. Нужен официальный договор, письменное определение предмета и перечень разрешённых источников. Иначе мы будем собирать всё подряд и потеряем смысл.

— Предмет: попытка изменить контроль над клиентской базой и вывести проекты через аффилированного подрядчика.

— Это уже вывод. Для договора лучше: проверка изменений доступа, связанных контрагентов и движения клиентов за последние шесть месяцев.

— Слишком широко.

— Тогда три месяца.

Я читаю проект. Первый раздел — корпоративные документы. Второй — интервью с сотрудниками. Третий — открытые источники и сведения, переданные официально. Четвёртый — цифровая диагностика устройств и аккаунтов.

— Уберите личные аккаунты, — говорю я.

— Полностью?

— Да.

— Даже если угроза придёт туда?

— Тогда я передам конкретное сообщение. Вы не получаете доступ ко всему телефону.

Он делает пометку.

— Согласен.

— Контакты с сотрудниками только по списку, который утверждаю я и Лада.

— Согласен, если вы не будете исключать людей только из-за личной лояльности.

— Решение за мной.

— Тогда ответственность за пропущенный источник тоже ваша.

— Запишите это.

Елисей смотрит на меня дольше обычного.

— Вы хотите, чтобы в договоре было зафиксировано, кто отвечает за каждое ограничение?

— Да.

— Это разумно.

— Не хвалите меня.

— Я констатирую.

От его спокойствия всё ещё хочется спорить, но теперь я понимаю: он не ждёт, что я соглашусь из благодарности. Он рассчитывает, что я прочитаю и возражу. Мы доходим до раздела безопасности. В проекте указано право фирмы получать данные о моих перемещениях от привлечённого водителя в случае «существенного риска».

— Нет.

— Это стандартная формулировка.

— Стандартная для кого?

— Для клиентов, которым организуют транспорт и сопровождение.

— Я не просила сопровождение.

— После публикации ваш адрес могут установить. Платон знает машину, офис, школу Киры.

— И поэтому вы хотите знать, где я нахожусь каждую минуту?

— Только водитель и только в случае сигнала.

— Что считается сигналом?

Он отвечает не сразу.

— Попытка преследования, неизвестный автомобиль, запрос информации о вас, появление человека по закрытому адресу.

— Тогда водитель сообщает мне. Я решаю, передавать ли вам.

— При реальной угрозе вы можете не успеть.

— Это мой риск.

Елисей откладывает ручку.

— Рената Валерьевна, если вы нанимаете нас для снижения риска, но оставляете за собой право отменять каждое действие в момент угрозы, результат будет ограничен.

— Я нанимаю вас, чтобы получить информацию и варианты. Не чтобы отдать право решать, куда мне ехать.

— Я понял.

— Тогда уберите пункт.

Он удаляет его без дальнейшего спора. Именно это меня успокаивает и настораживает одновременно. Платон бы спорил до тех пор, пока я не устала. Елисей принимает границу, но не делает вид, что считает её безопасной.

— Ещё два условия, — говорю я. — Никаких контактов с Кирой. И никаких обращений к Платону без моего письменного согласия.

— Первое уже добавлено. Второе есть в общем ограничении, но продублируем.

— Платёж — с моего личного счёта.

— Это ваши отношения с бухгалтерией. Мне всё равно, откуда законные деньги.

— Не всё равно. Если счёт оплатит компания, Платон назовёт расследование расходом в личных целях.

— Тогда оплачиваете вы и позже решаете с адвокатом, можно ли относить часть затрат на корпоративный спор.

Он не обещает, что я верну деньги. Ещё одна мелочь, из-за которой ему хочется верить больше, чем полезно. Перед картой конфликтов Елисей выводит на экран предполагаемый порядок работы. Не просто список документов, а последовательность: сначала подтверждаем источники доступа, затем проверяем подрядчиков, после — движение клиентов, и только потом разговариваем с людьми.

— Почему интервью в конце? — спрашиваю я.

— Потому что человек, которого спрашивают слишком рано, начинает защищать не факт, а собственную безопасность. Документы помогают задавать точнее.

— И дают понять, где он врёт.

— Где его версия расходится с данными. Не всегда это ложь. Люди плохо помнят даты и последовательность.

Мы спорим о первом списке сотрудников. Я хочу включить Игоря, начальника IT и Ирину из бухгалтерии. Елисей предлагает начать с Ирины и договоров, IT оставить после официального ответа, а Игоря не трогать до тех пор, пока у нас нет конкретного вопроса.

— Он видел нового администратора.

— И уже отказался подтверждать. Если снова спросить без документа, он только сильнее закроется.

— Значит, ждём, пока Платон подготовит его.

— Значит, сначала получаем журнал и спрашиваем о конкретной записи.

Я принимаю этот порядок, хотя он медленнее. Именно медленность делает его похожим на расследование, а не на поиск человека, которого удобно назначить виноватым. Мы переходим к карте конфликтов интересов. На ней отмечены два клиента «Вертикаль Консалт», которые пересекаются с Платоном через строительные проекты.

— Один из них связан с ним напрямую? — спрашиваю я.

— Не напрямую. Компания «СтройМодуль» привлекала Платона как брокера по земле. Сейчас они обсуждают с нами аудит подрядчиков.

— Вы будете вести оба проекта?

— Нет.

— Потому что я уже заплатила?

— Потому что ваша ситуация требует проверки контрагентов, которые могут пересекаться с их цепочкой. Формального конфликта пока нет, но риск есть. Я отказался от предложения «СтройМодуля» на период нашей работы.

Я поднимаю глаза.

— Это выгодный клиент?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы через неделю вы не узнали, что я одновременно проверяю вас и компанию, связанную с вашим мужем.

— Можно было передать мой проект другому специалисту.

— Можно. Но договорённость о диагностике уже была со мной, и я отвечаю за начальный план. Если хотите, передадим сейчас.

В его голосе нет намёка на жертву. Он сообщает решение как факт, который относится к прозрачности работы.

— Не хочу, — говорю я.

— Почему? — спрашивает он.

— Потому что вы уже знаете контекст и не обещаете невозможного. Новый человек потратит неделю, чтобы прийти к тем же ограничениям.

— Это деловой ответ.

— Другого у меня нет.

Он узнаёт собственную фразу и едва заметно улыбается.

— Тогда ещё одно условие с моей стороны. Если появится реальный конфликт интересов, я передаю проект без отдельного разрешения, но с письменным объяснением и передачей материалов по акту.

— Без отдельного разрешения?

— Вы не можете обязать меня нарушить профессиональные правила. Но вы должны заранее знать, как именно произойдёт передача.

Я читаю предложенную формулировку. В ней есть срок уведомления, имя ответственного партнёра и запрет удерживать документы из-за спора об оплате.

— Добавьте право выбрать из двух кандидатов на замену.

— Разумно.

Слово выходит быстрее, чем успеваю оценить, как оно прозвучало. Елисей только кивает.

— Тогда зафиксируем отказ от потенциально конфликтующего клиента в приложении.

Он открывает служебную запись: дата предложения, сумма, причина отказа, кто утвердил решение. Я вижу, что отказ оформлен не задним числом и не специально для моего впечатления.

— Это не слишком много внутренней бумаги?

— Когда конфликт интересов не документирован, он существует только в чьей-то памяти. Память удобна до первого спора.

— Вы всегда прикладываете к договору собственные потери?

— Когда они могут повлиять на независимость — да.

Я подписываю последнюю страницу. Потом мы составляем доверенность на получение конкретных документов и согласовываем список первых интервью. Лада подключается по видеосвязи, спорит из-за кандидатуры Игоря и убеждает начать с бухгалтерии и ИТ. Елисей соглашается: документы раньше разговоров. К двум часам стол покрыт листами, но в голове впервые нет ощущения, что я хватаюсь за всё сразу. У каждого действия есть граница. У каждого вопроса — человек, который отвечает.

— Осталось последнее, — говорит Елисей.

— Что ещё?

— Ваше ожидание результата.

— Найти, что делает Платон.

— Это направление, не результат.

— Тогда выявить нарушения и вернуть контроль над доступами.

— Возврат доступа зависит не от нас. Мы можем установить факты, сохранить документы, подготовить основания для адвоката и корпоративных решений.

— Вы любите снижать ожидания.

— Я люблю, когда клиент знает, за что платит.

Я закрываю договор.

— Хорошо. Факты, которые можно проверить и использовать. Без героических обещаний.

— Подходит.

Мы выходим из переговорной. В коридоре уже включили дежурный свет. За окнами ранняя темнота, город отражается в стекле несколькими слоями. Когда договор подписан, Елисей приглашает руководителя аналитиков и сотрудника комплаенса. Они не выглядят как его подчинённые, которым уже всё приказано: задают собственные вопросы, спорят о сроках, уточняют, какие данные вообще можно принимать от меня.

Комплаенс отказывается включать в работу выгрузку личной переписки Платона, даже если она случайно окажется у меня. Аналитик требует, чтобы каждая таблица имела источник и дату получения. Я слушаю и понимаю: контракт работает не потому, что Елисей обещает контролировать всех, а потому что внутри его фирмы есть люди, способные ограничить и его самого.

— Если кто-то из вашей команды нарушит договор? — спрашиваю я.

— Фиксируете инцидент через комплаенс, — отвечает Елисей. — Не через меня.

Он показывает отдельный адрес и порядок рассмотрения жалобы. Деталь кажется избыточной, но я всё равно сохраняю её вместе с остальными условиями.

— Машина ждёт? — спрашивает Елисей.

— Я вызову такси.

— После сегодняшней публикации лучше использовать одного проверенного водителя.

— Мы уже убрали этот пункт.

— Я помню. Это рекомендация, не распоряжение.

— Тогда пришлите три варианта, я выберу.

— Пришлю.

В лифте он стоит на расстоянии, достаточном для обычного делового разговора. Никаких случайных касаний, никакой напряжённой музыки, которой в реальной жизни всё равно нет. Перед уходом мы ещё раз перечитываем раздел о личной безопасности. Я вычёркиваю право службы менять маршрут без моего согласия, Елисей добавляет исключение только для непосредственной физической угрозы, подтверждённой водителем и диспетчером. Я всё равно настаиваю: сначала уведомление мне. Он считает это слабым местом, но подписывает.

— Если найдём признаки вывода клиентов, — говорит он перед первым этажом, — назад в тихий развод уже не вернуться.

— Тихого развода уже нет.

— Пока есть выбор, какой именно конфликт вы ведёте: о браке, управлении или возможном ущербе компании. После документального вывода эти линии начнут влиять друг на друга сильнее — с деньгами, ответственностью и людьми, которым придётся официально говорить, что они знают.

— Значит, тем важнее не смешивать их раньше времени.

— Именно.

В его словах нет требования отступить. Только цена следующего шага, которую мне предлагают увидеть до того, как я его сделаю. Двери открываются.

— Я уже видела, как люди выбирают сторону, — отвечаю я.

— Пока они выбирают работодателя. Позже могут выбирать, что говорить официально.

Он остаётся у стойки, а я выхожу на улицу. Я не оборачиваюсь, но знаю, что разговор не закончен красивой точкой. Он просто переведён в договор, где каждому слову придётся соответствовать действием. Через пять минут приходит сообщение с тремя вариантами водительских служб. У каждой — договор, фиксированный тариф и отдельное согласие на передачу данных.

Я выбираю вторую и пишу условие: маршрут знает водитель, фирма Елисея получает только сообщение об инциденте после моего подтверждения. Елисей отвечает одним словом:

«Принято». Впервые короткий ответ не кажется отказом от разговора.

В понедельник нас ждёт собрание участников. Пятьдесят процентов против пятидесяти — равенство, которое больше не означает ни партнёрство, ни безопасность. Теперь у меня есть команда, но ни один человек в ней не имеет права принять решение вместо меня.

Глава 8. Пятьдесят на пятьдесят

В понедельник Платон приходит на собрание участников с презентацией. Это настолько в его стиле, что я почти смеюсь. На первом слайде — логотип «Ключа города», на втором — диаграмма падения эффективности за последние десять дней, на третьем — список «операционных рисков». Моё имя не указано, но каждый пункт собран вокруг меня: задержки согласований, конфликт с клиентом, отказ от корпоративных процедур, репутационный ущерб.

Заседание проходит в большой переговорной нашего центрального офиса. За столом только мы двое, корпоративный юрист, секретарь собрания и Лада как приглашённый руководитель операционного блока. Елисей утром помог мне проверить список вопросов, но остался в соседнем здании. Я настояла. Платон должен увидеть меня, а не специалиста за моим плечом.

— Начнём? — спрашивает он.

На нём тёмный костюм, который я выбирала для переговоров с банком. Он выглядит отдохнувшим. Я знаю, что это работа стилиста, сна и умения не показывать цену ночи.

— Начнём после фиксации состава и повестки, — говорю я.

Секретарь зачитывает данные. У Платона пятьдесят процентов долей. У меня пятьдесят. Кворум есть, но по вопросам, требующим большинства, равенство означает тупик. Раньше мы считали это защитой друг от друга. Сегодня это оружие, которое не стреляет ни в одну сторону, зато держит всех в комнате. Платон включает следующий слайд.

— Предлагаю временно отстранить Ренату Валерьевну от операционного управления до окончания внутренней проверки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.